

оторваться, чтобы сверху посмотреть, что и кто тянет вниз, уйти, чтоб пришло утро, день, солнце, уйти, унося с собой боль, огонь, и тяжкий грех.

В заглавии романа слова *Ханты* и *Звезда Утренней Зари* употреблены как взаимозаменяемые — «Ханты, или Звезда Утренней Зари». Заглавие отсылает к разным, но не противопоставленным стихиям, отражает движение из одного пространства в другое, путь, не разводящий, а объединяющий Землю и Небо. Первое слово в названии романа дано во множественном числе, второе в единственном. Соотнося заглавие и текст произведения, невольно приходишь к выводу о том, что эти элементы целого скреплены мыслью о жертвенности. Человек жертвует своей жизнью, дабы сохранить на Земле народ. Образ Человека — Звезды концентрирует в себе одновременно Смерть — Рождение — Возрождение каждого в отдельности и народа в целом. Уходящие Вверх умножат количество Звезд на Небе. Главное, чтобы остались те, кому эти Звезды будут возвещать о приходе Нового дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари // Айпин Е. Д. Клятвопреступник. М., 1995. С. 172. В дальнейшем все сноски даются по данному изданию в тексте с указанием страницы.
2. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции селькупов и угров. Екатеринбург, 1995. С. 565
3. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции селькупов и угров. Екатеринбург, 1995. С. 565
4. Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции селькупов и угров. Екатеринбург, 1995. С. 572-573.

Николай Эдуардович ШИШКИН —
 ассистент кафедры журналистики
 филологического факультета

УДК 821.161.09+002.2

СЕВЕРНЫЙ

**ОЧЕРК НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОКТЯБРЬ»
 (По материалам литературного поста
 «На Земле Тюменской»)**

АННОТАЦИЯ. В статье на примере материалов журнала «Октябрь» рассматриваются особенности северного очерка как явления в отечественной публицистике 70 — 80 годов XX века.

This article deals with the peculiarities of «northern» essays carried out in the «Octyabr» of the 1970 – 1980s.

В 1974 году в журнале «Октябрь» возникла практика создания так называемых «литературных постов». Темпы освоения Западной Сибири, ее огромный энергетический потенциал сразу же привлекли внимание редакции. В августе того же года редколлегия журнала провела выездное заседание в Тюмени, где с местными партийными органами была достигнута договоренность о создании литературного поста «Октябрь» «На земле Тюменской».

В 1975 году появились первые публикации, объединенные рубрикой «На земле Тюменской». В редакционной преамбуле сообщалось, что «рассказ о преобразованиях в Западной Сибири поведут писатели и сами участники гигантских строек» [1].

Спустя год по инициативе редколлегии журнала и Тюменского обкома партии с целью «углубить проблематику публикуемых материалов, более оперативно отображать... вопросы, которые выдвигает перед тюменцами каждодневная практика» [2] было принято решение о создании общественного совета литературного поста «На земле Тюменской». В него вошли ведущие сотрудники журнала, нефтяные «генералы», тюменские писатели и публицисты. Позже каждый выпуск литературного поста «На земле Тюменской», выходившего в журнале с периодичностью два-три раза в год, предваряли сообщения от редакции о регулярно проводимых заседаниях общественного совета.

Сегодня интерес к литературному посту «Октября» можно оправдать тем, что здесь мы имеем дело с систематизированным материалом, который представляет из себя довольно точную модель всего пласта северной публицистики 70-х — первой половины 80-х годов. Свое отражение находят различные ее составляющие: территориальная и профессиональная принадлежность авторов, жанровое и стилистическое разнообразие опубликованных текстов, широта охвата главных тем, основанных на жизненном материале, общая идеологическая заданность.

Классифицировать опубликованные в рамках литературного поста материалы можно по различным признакам. Например, ряд произведений принадлежит центральным авторам, ряд — тюменским. Территориальный признак можно положить и в основу деления публикаций по темам. Здесь четко прослеживаются северные очерки, место действия которых нефте- и газоносные районы региона, и тобольские очерки, посвященные развитию — «второй молодости» — этого старого сибирского города в связи со строительством нефтеперерабатывающего комплекса. Свою классификацию, основанную на теории жанров журналистики, предложил Н. Лагунов, тогда — редактор газеты «Тюменская правда» и сопредседатель общественной редакции литературного поста «На земле Тюменской». Он выделил публицистические очерки (М. Горчакова, К. Лагунова, С. Смородкина и других «профессионалов пера») и статьи, авторы которых — партийные, научные и хозяйственные руководители [3].

Однако нам представляется наиболее полно отражающей картину классификация, учитывающая авторскую принадлежность материалов, которая, в свою очередь, накладывает отпечаток на жанрово-тематический характер публикаций. Мы выделяем:

I. Выступления рабочих-передовиков, участников освоения западносибирского промышленного комплекса;

II. Выступления партийных, научных и хозяйственных деятелей;

III. Публикации писателей, журналистов.

Прибегнув к такой классификации, можно заметить «газетную» структуру литературного поста, в чем его создатели наверняка видели особую публицистическую заостренность акции. Выступления партийных лидеров сделаны с учетом требований, предъявляемых к обязательной по тем временам передовой статье. В материалах руководителей различных НИИ прослеживается аналогия с научными статьями и очерками. Публикации от лица тружеников являют собой «глас народа», схожи с газетными интервью и письмами в редакцию. Очерки писателей и журналистов призваны служить источником профессионального подхода к отображению действительности, привнести элемент художественного видения масштабов северной стройки.

Рассмотрим вкратце характерные черты, присущие первым двум группам.

I. Выступления рабочих-передовиков, участников освоения западносибирского промышленного комплекса.

«Глас народа» в чистом виде звучал на страницах литературного поста совсем недолго — всего год. В феврале 1975-го с очерком «И не хотим судьбы иной» выступил участник закладки «пионерной зоны» Тобольского нефтехимического комплекса, экскаваторщик-передовик А. Н. Заика, а в июне с очерком «Мы — строители» —

бригадир отделочников, Герой Соцтруда и депутат Верховного Совета СССР И. С. Мариенков. Столь стремительное исчезновение из дальнейших планов выступлений рабочих объясняется скорее всего тем, что их фальшивая интонация сразу улавливалась даже в те годы: наигранный стиль изложения, с трудом сочетающий газетный стандарт и разговорность, тривиальность содержания, местами переходящая в поистине детскую наивность.

II. Выступления партийных, научных и хозяйственных деятелей.

Публикации, объединенные в эту группу, в свою очередь можно подвергнуть дальнейшему делению:

1. Многочисленные программные выступления, те своего рода «передовицы», о которых речь шла выше.

2. Публикации, лишённые прямолинейной директивности, подготовленные с учетом жанровых требований к очерку.

3. Статьи научных деятелей, обосновывающие методы и темпы освоения недр. Таковых за годы существования литературного поста «Октября» было всего две.

В том, что к теме освоения Западной Сибири обращались не только профессиональные журналисты и писатели, нет ничего удивительного. Публикации партийных лидеров, знавших Север не понаслышке, к сожалению, в большинстве своем были скованы идеологическими догмами, которые не позволяли вслух говорить о набравших проблемах и нуждах «края-рекордсмена». Взвешенный анализ ситуации подменялся разглагольствованием о достигнутых высотах и радужных перспективах. Причем тональность этих выступлений не менялась со временем. В начале 80-х, с развитием газодобычи и появившейся в этой связи идеей «второй Тюмени», они продолжали трубить о новых рекордах, хотя общий настрой северной публицистики (о чем подробнее речь пойдет ниже) сменился на критический.

Популярное изложение научных обоснований промышленного развития Севера было необходимо. Другое дело, что им также отводилась роль агитаторов, отчего они были проникнуты свойственными тому времени потребительскими настроениями по отношению к недрам, обходили вниманием насущные проблемы экологии нефти — и газодобычи, труда и быта северян.

III. Публикации писателей, журналистов.

Остановимся на них подробнее. Очерки, опубликованные на страницах «Октября» в рамках литературного поста «На земле Тюменской», были подобраны таким образом, чтобы отразить работу как можно большего числа отраслей развивающегося промышленного комплекса.

«Чемпионами» здесь выступают строители, которым посвящено три очерка: «Начало» В. Гербачевского, «Тобольск поднимает этажи» Г. Метельского, «Путь через январь» Л. Неменовой. Такое внимание к строителям обусловлено интересом к возведению Тобольского нефтехимического комплекса, на который возлагались большие надежды в связи с его жизненной необходимостью. На втором месте идут трассовики-дорожники — два очерка: «Себе и потомкам» В. Колыхалова, «Дорога на Уренгой» А. Швирикаса; газовики — тоже два очерка: «Харасавэй» В. Филатова и «Высокое напряжение» В. Лисина и А. Мурзина. Прочие северные профессии представлены единичными публикациями.

Для систематизации очерков литературного поста мы основывались на классификации, предложенной Н. Глушковым [4]. Как наиболее разветвленная, она представляет широкое поле для размещения практического материала. Однако с учетом того, что очерк не является статичным жанром, подвижен в зависимости от поставленных перед ним временем и ситуацией задач, нам пришлось внести в нее некоторые коррективы.

По аналогии с типами очерков, предложенных Н. Глушковым в *социально-тематическом измерении* жанра, нам представляется правомерным в продолжение ряда

(городской, деревенский, военный и т. д.), говорить о еще одном типе — северном очерке. Кстати, сам автор классификации подчеркивал необязательность и подвижность деления по социально-тематическому признаку. Северному очерку присущи определенные генезис, проблематика, сюжетно-композиционная схема, система образных средств.

Рассматривая северный очерк, используем еще два жанровых измерения, содержащихся в классификации Н. Глушкова: отношение к художественному вымыслу и проблематическое.

С точки зрения наличия\отсутствия художественного вымысла (беллетристический\художественный)\документальный) подавляющее большинство северных очерков строго документально. Публикации литературного поста служат яркой иллюстрацией этого утверждения. Система персонажей, событийный уровень всех без исключения очерков имеют под собой реальный жизненный материал. Авторам не приходилось прибегать к приему типизации, составлению собирательного образа своего героя. Появляющиеся на страницах журнала персонажи, от руководителей до простых рабочих — реально существующие личности. Описываемые события также обладают фактической основой. Беспрецедентное освоение Севера дарило такие драматические коллизии, такие яркие персонажи, что, казалось, не требуется никаких фантазий, усиливающих воздействие на читателя.

К «беллетристике» можно отнести лишь подборку выступлений писателей, побывавших на Тюменщине в качестве литературного десанта, и очерк Э. Ставского «Запасы энергии».

Профессиональные писатели, сотрудники и постоянные авторы «Октября» С. Бабаевский [5], В. Санги [6], Г. Бакланов [7], А. Проханов [8] в небольших по объему материалах, скорее — зарисовках, поделились впечатлениями о гремящей на всю страну области. «Литературные десантники» выстрелили приподнятыми по настроению, прихотливыми по стилю агитками, вывод из которых один: на Тюменском Севере не жизнь, а перманентный праздник. Повествования пропитаны программными лозунгами и радостным мироощущением энтузиастов — покорителей нефтяного края.

Очерк Э. Ставского выделяется из общего ряда особой поэтичностью в описании северной земли, некоторым абстрагированием от производственной тематики. Автор с самого начала формулирует свою задачу: *«Я хотел открыть для себя, нет, не экономический, не хозяйственный, а сокровенный нравственный смысл того, что сейчас являет собой. . . нефтяной регион»* [9]. Еще один момент, позволяющий нам подчеркивать беллетристичность «Запасов энергии», — сильное авторское начало, присутствующее в тексте. В какой-то мере это может вызывать недоумение. Сформулировав цель как поиск настоящего северного характера, его нравственного стержня, автор отступает от основной линии, заглушая ее постоянными лирическими отступлениями, когда описание направлено не вовне, на поиск героя, а вовнутрь, сосредоточено на субъективном — переживаниях и впечатлениях пишущего.

В основе остальных очерков литературного поста независимо от качества, увлекательности повествования, как уже отмечалось выше, лежат факты, явления, взятые из жизни.

Однако проблема авторского домысла и вымысла актуальна для северного очерка, высвечивается в нем в своеобразном ракурсе.

Неизбежно проявление домысла в обращении к каким-либо незначительным деталям описания и, конечно же, при изображении внутреннего состояния персонажей, дабы добавить повествованию живости, эмоциональности.

О вымысле нужно говорить как о требовании, диктуемом идеологическими соображениями. Пропагандистская машина легко выдавала желаемое за действительное, концентрировала внимание на достижениях, рапортовала о рекордных цифрах нефтедобычи, зачастую выдаваемыми нефтяными и газовыми «генералами» наугад.

При создании внушительного полотна «социалистического чуда XX века, сотворенного советским народом под мудрым и прозорливым руководством коммунистической партии», подцензурной оказывалась проблемная сторона этого самого полотна. Экологический беспредел, бытовые неурядицы, культурный вакуум долгое время оставались темами «нон грата» в северной публицистике. Литературный пост «Октября» не был свободен от этого негласного закона вплоть до 80-х годов. Даже опубликованный в 1976 году очерк «Мастера» К. Лагунова, не пасовавшего перед цензурными флажками и введившего в свои художественные и публицистические произведения о Севере много такого, что бесило власть придержащих, выглядит ощутимо идеологизированным, типичным продуктом советской эпохи, в котором приглушена обычно яркая, самобытная манера писателя. Таким образом, в идеологическом плане проблема вымысла тесно связана с проблемой умолчания.

Необходимо отметить, что несмотря на документальную основу северный очерк далек от сугубо газетной информативности. Очерк — жанр, где документальное излагается по законам художественного. Северная публицистика в этом — не исключение. Авторы стремились не просто рассказать о преобразованиях, происходящих на Тюменском Севере, а сделать это ярко, наглядно, так, чтобы читатель своими глазами увидел суровый и прекрасный край, его нестигаемых людей. Вот как рисует бушующий газовый фонтан Юрий Калещук: *«Из облака пара время от времени вырывался огненный шар. Обгоняя рев полсотни реактивных двигателей, он взмывал вверх, и, достигнув стометровой высоты, распадался на белые, белесые и бесцветные языки пламени. Следом тяжело вздымался лохматый, неустойчивый конус воды, песка, сжиженной глины. Не одолев и половины огненного пути, вся эта масса обрушивалась вниз, на какое-то мгновение перекрывая выход газа. . . »* [10].

Закономерную особенность можно подметить в обрисовке портретов героев. Внешне это обыкновенные, ничем не выделяющиеся люди. Но всех их отличает внутренняя сила, без которой нельзя представить покорителя полярных недр. Таков, к примеру, Валентин Антонюк, герой «Запасов энергии»: *«Выше среднего роста, пружинистый, плечи прямые, походка размашистая, руки большие, лицо открытое»* [11]. Когда речь заходит о Севере, его глаза — *«искристые, сузившиеся и напористые, с накалом»* [12] — выдают азарт. Портрет помкомандира Тюменского военизированного отряда по предупреждению и ликвидации нефтяных и газовых фонтанов Владимира Романова в очерке «Харасавэй» таит силу и уверенность: *«На вид ему было лет сорок, светленький, с голубыми глазами... Еще в нем было что-то такое, что неуловимо отличает людей, привыкших к вниманию посторонних. . . »* [13].

Кстати, очерк Виктора Филатова «Харасавэй», строки из которого только что были процитированы, служит яркой иллюстрацией типичного для северного очерка изобразительного приема: сравнения работы в условиях Заполярья с фронтом военных действий. Эта аналогия становится стержнем всего материала. За кем останется победа в схватке — сомневаться не приходится: *«Ямал с ними не шутил. . . Он атаковал их шестидесятиградусными морозами и все сметающими на пути метелями и пургами, ... бездорожьем и невозможностью построить какую-либо дорогу, ... безводьем, отдаленностью, дикостью. А они ходили на него, как в контратаку. Бывали поражения, как говорится, в боях местного значения, стратегически же люди выигрывали битву»* [14].

Проблематическое измерение жанра по Н. Глушкову предполагает подразделение очерков на проблемные, портретные, бытовые, путевые. Такой вид очерка, как производственный, приравнивается им к городскому и попадает в социально-тематическое измерение. На наш взгляд, применительно к северному очерку понятие «производственный» необходимо рассматривать именно в проблематическом аспекте, т. к. промышленное производство помещено в центр проблематики северного очерка, является его содержательным ядром. Следует признать объективным и тот факт,

что в начале освоения Тюменского Севера геологоразведочные работы, а подчас и нефтедобыча, велись вдали от цивилизации, в краю, куда города и поселки пришли уже после первопроходцев, когда богатство западносибирских природных кладовых не вызывало дискуссий в научных и правительственных кругах. Следовательно, мы переносим производственный очерк в сферу проблематики, и, исходя из этого, определяем две «несущие конструкции», на которых держится северный очерк в проблематическом аспекте: это производственный и портретный очерки.

Одна из важнейших особенностей северного очерка заключается в том, что зачастую невозможно выделить в чистом виде производственный или портретный тип. Их элементы тесно спаяны, дополняют друг друга, являя собой неразрывное сюжетно-композиционное единство. В этом случае корректнее рассуждать о преобладании в том или ином материале производственного или портретного начала.

По принципу «дело и люди в деле» построены многие очерки литературного поста «Октября». Например, очерк В. Гербачевского «Начало» рисует картины закладки «пионерной базы» Тобольского нефтехимического комплекса и беглые, но довольно жизненные групповые портреты молодых строителей, более обстоятельные — начальства. Очерк М. Горчакова «Летающая экспедиция» посвящен не только производственному процессу нефтеразведочного бурения, но и главному геологу экспедиции И. И. Верниковскому.

Заметим, что в попытке подробной систематизации не следует останавливаться на производственном и портретном видах. Каждый из них можно подвергнуть дальнейшему расчленению.

Так, среди портретных выделим очерки с одним главным персонажем (что не является условием отсутствия персонажей второстепенных) и несколькими равноценными персонажами, портреты которых важны для мозаики, составляющей собирательный портрет героического современника. К первым отнесем еще один очерк М. Горчакова — «Земные ориентиры», «Запасы энергии» Э. Ставского. Ко вторым, помимо упомянутого выше «Начала», — очерки С. Смородкина «Тяжелый невод», К. Лагунова «Мастера», Л. Неменовой «Путь через январь».

В природе производственного типа очерка явно просматривается членение на героико-производственный и проблемно-производственный. Причем имеют они четко выраженную границу не только в содержательном, но и хронологическом плане.

До 80-х годов северная публицистика была приподнята, полна энтузиазма и оптимизма. Основной конфликт разворачивался в сфере взаимоотношения человека и природы и служил своеобразной визитной карточкой северного очерка. В результате жестокий Север всегда отступал перед мужеством покорителей тюменских недр. Отсюда и предложенное нами определение «героико-производственный». К этому разряду относятся «Мастера» К. Лагунова, «Трассовый перекресток» К. Омельчука и ряд других.

В расчет не принимались те экологические «мины», которые несло в себе хищническое, потребительское отношение к природе. В 70-е годы на страницах литературного поста «Октября» зазвучали вопросы экологии. Они обязаны своим появлением почти исключительно тобольской теме. Естественно, что соседство одного из старейших сибирских городов с химическим комбинатом волновало общественность, и задачей публицистов было убедить ее в полной безопасности такого производства.

Неурядицы производственного характера ни в коей мере не загораживали общих достижений, упоминались вскользь, будь то простои по вине смежников, поставки неисправной техники или кадровые проблемы, вроде текучки или отсутствия отбора при приеме на работу. Они оглашались скороговоркой, чтобы сразу же снова переключиться на успехи или выгодные перспективы.

Временной границей между беспроблемными и острыми критическими очерками выступает рубеж 70-80-х. Именно в 1982 году на страницах литературного поста появляется первый по-настоящему проблемный очерк В. Лисина и А. Мурзина «Высокое напряжение», посвященный освоению Уренгойского газового месторождения и городу Новому Уренгою. Вторая половина материала всецело отдана перечню адресных проблем, возникающих при разработке месторождения и обустройстве города. Авторами подчеркивается, что Уренгой наступает на грабли, через которые «прошли» и Надым, и Сургут, и многие другие северные города, следует *«по не раз хоженному, ухабистому пути, а точнее — через пень-колоду»* [15].

В том же году обойму критических материалов пополнил очерк Юрия Калещука «Непрочитанные письма» о Варьеганском месторождении. Его настрой складывался из зарисовок, которые включены в ткань повествования: аварии на дорогах, катастрофический выброс газа на буровой, пожар в общежитии, уничтоживший здание дотла, перебранка рабочих. «Уколы» критики, исходящие как от автора, так и от героя очерка, славного бригадира бурильщиков П. Казачкова, разбросаны по всему тексту. Ю. Калещук приходит к тому же неутешительному выводу, что и его единомышленники по критическому освещению северной темы В. Лисин и А. Мурзин: *«За последние десять лет мне приходилось видеть различные месторождения... поражал не только героизм первопроходцев, ... поражала воображение повторяемость ошибок... В Усинске или на Харасавэе работа начиналась так, словно никакого Самотлора не существовало»* [16].

Конечно же, Север — это не только производство. До нефтяного бума он имел свою историю, свои народности с присущим им жизненным укладом. С этим приходилось считаться тем, кто писал о Тюменском Севере. Поэтому северный очерк впитал в себя элементы исторического, этнографического очерков.

Обращение к истории края стало традицией в ранних очерках северной темы. Публикации о новых «горячих точках», вовлекаемых в строительство западно-сибирского промышленного комплекса, как, например, очерк 1975 года В Гербачевского «Начало», сопровождалась историческими справками. О коренных северных народах упоминали обычно, чтобы подчеркнуть заботу, которую проявляет о них советская власть. Не говорили и не писали о том, что аборигенов спаивали, разлучали с детьми, насильно отправляя ребят в интернаты, забирали пастбища.

В проблематическом измерении также нельзя строго ограничивать северный очерк рамками производственного и портретного. В отдельных текстах литературного поста, например, в «Запасах энергии», можно уловить и построение по типу путевого очерка, и содержательные элементы, свойственные бытовому очерку, или, по-другому, «очерку нравов».

Подведем итоги. На примере публикаций в рамках литературного поста «Октября» «На земле Тюменской» мы можем говорить о северном очерке как явлении в отечественной публицистике 70-80-х годов XX века.

Северный очерк мы выделяем на социально-тематическом уровне. На этом же уровне отмечаем исторический и этнографический очерки как отдавшие ему свои элементы.

Тип производственного очерка мы переносим в проблематическое измерение, где наряду с портретным он составляет костяк северного очерка. Здесь же, только в меньшей степени, присутствуют черты путевого и бытового очерков.

В зависимости от характера связи с окружающим миром материалы литературного поста дают нам право говорить о значительном перевесе документальности в изображении событий. Художественность проявляется в изобразительном плане. Персонажи и события строго документальны.

Рис. 1. «Северный» очерк в системе жанровых измерений

ЛИТЕРАТУРА

1. Октябрь. 1975. № 2. С. 3.
2. Октябрь. 1976. № 4. С. 4.
3. Лагунов Н. С советским размахом // Октябрь. 1981. № 2. С. 4.
4. Глушков Н. Очерк в русской литературе. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1966. С. 36 — 37.
5. Бабаевский С. Широта // Октябрь. 1976. № 10. С. 5 — 8
6. Санги В. Жизнью продиктовано // Октябрь. 1976. № 10. С. 9 — 10.
7. Бакланов Г. Прошлое и будущее // Октябрь. 1976. № 10. С. 10 — 11.
8. Проханов А. Сюда станем ездить // Октябрь. 1976. № 10. С. 12.
9. Ставский Э. Запасы энергии // Октябрь. 1979. № 1. С. 167.
10. Калещук Ю. Непрочитанные письма // Октябрь. 1982. № 8. С. 178.
11. П. 9. С. 174.
12. Там же. С. 178.
13. Филатов В. Харасавэй // Октябрь. 1979. № 7. С. 194 — 195.
14. Там же. С. 197.
15. Лисин В., Мурзин А. Высокое напряжение // Октябрь. 1982. № 2. С. 181.
16. П. 10. С. 186.

Сергей Анатольевич КОМАРОВ —
доцент кафедры русской литературы
филологического факультета,
кандидат филологических наук

УДК 882. 09.

«РОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ» Ф. НИЦШЕ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ МИФОПОЭТИКИ КОМЕДИИ А. П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА»

АННОТАЦИЯ. В статье впервые доказывается наличие многоэлементного ницшевского слоя в комедии «Чайка», что открывает новую перспективу прочтения чеховской пьесы.

The author deals with Nitshe's influence upon Chekov's poetics, trying to prove that Nitshe « The origin of the tragedy» served as one of the sources for «The Seagull».